

На правах рукописи

Кацюба Галина Александровна

**АНТРОПОСОФСКИЙ ДИСКУРС В
ПРОЗЕ А. БЕЛОГО И В. ХЛЕБНИКОВА**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва

2012

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Искржицкая Ирина Юрьевна**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Терехина Вера Николаевна**
доктор филологических наук,
Институт мировой литературы
имени А.М. Горького РАН,
ведущий научный сотрудник
отдела новейшей литературы и
литературы русского зарубежья

Сарафанова Наталия Владимировна
кандидат филологических наук,
Государственный Литературный музей,
зав. отделом литературы XVII - XIX веков

Ведущая организация: **Литературный институт
имени А.М. Горького**

Защита состоится 19 апреля 2012 года на заседании диссертационного совета Д. 501.001.32 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го корпуса гуманитарных факультетов Московского государственного университета.

Автореферат разослан _____ 2012 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

**Голубков
Михаил Михайлович**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Антропософский аспект в творчестве Андрея Белого и Велимира Хлебникова не достаточно исследован. Между тем антропософский ракурс анализа творчества этих писателей способен прояснить закономерности литературного процесса в России начала XX века. Настоящая диссертация призвана раскрыть антропософский дискурс в прозе двух самобытных фигур русской литературы и философии Серебряного века.

Объектом рассмотрения в диссертации являются прозаические произведения А. Белого и В. Хлебникова [четыре «симфонии» Белого (1901 -- 1908), рассказы Белого «Световая сказка» (1904), «Йог» (1918), романы Белого «Серебряный голубь» (1910), «Петербург» (1914), «Крещенный китаец» (1921); проза Хлебникова 1906 -- 1914 годов: «Юноша Я-мир» (1906 -- 1907), «Песнь Мирязя» (1907), «Искушение грешника» (1908), «Зверинец» (1909--1911), «Охотник Уса-Гали» (1913), «Николай» (1913); повесть Хлебникова «Ка» (1915), поздние рассказы Хлебникова: «Малиновая шашка» (1921), «Перед войной» (1921--1922), «Две троицы. Разин напротив» (1921--1922), «Утес из будущего» (1922), «Я умер и засмеялся» (1922), «Это был великий числяр» (1922)].

Предметом исследования в работе является художественное преломление антропософских идей и образов в прозе А. Белого и В. Хлебникова.

Методологической и теоретической основой диссертации являются произведения философов и писателей Серебряного века (Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова, Ф.А. Степпуна, В.И. Иванова, Е.И. Замятина, М.И. Цветаевой); труды современных философов (Н.К. Бонецкой, К. Свасьяна, С.Г. Семеновой); работы советских и современных исследователей теории и истории символизма и футуризма

(Вяч.Вс. Иванова, Ю.М. Лотмана, Р.О. Якобсона, В.Б. Шкловского, Ю.И. Тынянова, В.О. Перцова, А.Е. Парниса, Н.И. Харджиева, Н.Л. Степанова, Л.К. Долгополова, Л.А. Новикова, В.А. Сарычева, В.П. Григорьева, Р.В. Дуганова, А.В. Лаврова, О.А. Клинга, Н.А. Богомолова, Н.А. Кожевниковой, Ю.Б. Орлицкого, В.Н. Терехиной, И.Ю. Иванюшиной, М.Л. Спивак, С.С. Хоружего); посвященные литературе авангарда статьи и книги отечественных и зарубежных ученых (Дж. Янечека, Дж. Малмстада, Р.Д. Тименчика, Л. Силард, Б. Лённквист, Х. Барана, М.Л. Гаспарова, Н.Н. Перцовой, А.Б. Шишкина, К.А. Кедрова, С.Е. Бирюкова). В диссертации были применены методы историко-типологического, структурно-семантического и классического структурального методов анализа текста (Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, Р.Д. Тименчик) в сочетании с междисциплинарным и традиционным историко-литературным подходами к осмыслению поэтики художественного произведения (Л. Силард, Д.Е. Максимов, Л.К. Долгополов, А.В. Лавров, Н.А. Богомолов).

Актуальность исследования обусловлена сопоставительным анализом творчества А. Белого и В. Хлебникова в ракурсе антропософских идей. Данная диссертация стремится заполнить пробел, связанный с тем, что в большей части работ исследователи либо чересчур упрощают, либо не замечают антропософский аспект в произведениях этих писателей.

Научная новизна диссертации заключается в анализе связи таких явлений в русской культуре начала XX века, как символизм и футуризм, теургия и антропософия, эвритмия и художественный текст; а также в сопоставлении творчества А. Белого и В. Хлебникова в контексте антропософского дискурса, приводящего к целому ряду значимых открытий и наблюдений; в разработке практически неисследованной темы «Рудольф Штейнер и Велимир Хлебников», намеченной в некоторых работах Н.А. Богомолова и К.А. Кедрова.

Цель исследования -- раскрыть взаимовлияние символизма А. Белого и футуристической поэтики В. Хлебникова; рассмотреть художественные аспекты антропософских исканий в символизме и футуризме.

Практическая значимость диссертации связана с возможностью использовать ее основные положения в учебном процессе при разработке общих или специальных курсов по истории русской литературы конца XIX -- начала XX веков, а также курсов по современной русской литературе рубежа XX--XXI веков, раскрывающих преемственность связи литературы прошлого и нынешнего века.

Основные научные положения, выносимые на защиту:

1. Если в поэзии А. Белый и В. Хлебников шли относительно независимыми друг от друга путями, то в прозе Хлебникова проступает связь с традициями русского символизма, конкретно -- с творчеством Белого.

2. Теургические моменты, присутствующие в философских системах Вл. Соловьева и Н. Федорова, воплотились в новых художественных образах в раннем творчестве А. Белого и В. Хлебникова. Рассказы Хлебникова с 1906 по 1914 год можно считать «теургическими». К «теургическим» относятся и произведения Белого, написанные до 1910 года, включая роман «Серебряный голубь» (1910), в котором смерть главного героя -- Петра Дарьяльского, поклонника «зари», -- символизирует несостоятельность теургического таинства.

3. Отречение А. Белого и В. Хлебникова от теургии как возможности «жизнетворчества» косвенно связано с потрясениями в их личной жизни. У Белого этот выбор предопределил несостоявшийся роман с Л.Д. Менделеевой, у Хлебникова такую же роль сыграло безнадежное увлечение К.Л. Богуславской. Это были не просто неудачные любовные истории: разбитая вдребезги программа «жизнестроения» спровоцировала уход писателей в антропософию как в своего рода «старчество».

4. Хлебниковские поиски математического определения закономерностей в истории человечества перекликались с числовыми разработками, сформулированными в работах Е.П. Блаватской и Р. Штейнера.

5. Влияние романа А. Белого «Петербург» (октябрь 1913 -- март 1914) проявилось в повести В. Хлебникова «Ка» (1915), написанной через год после публикации романа. Некоторые рассуждения В. Хлебникова в повести «Ка» являлись тонкой пародией на популярные в те времена идеи Р. Штейнера и были характерны для эстетики уже не символизма, а футуризма.

6. Новизна творческого метода А. Белого и В. Хлебникова определяется выходом в метареальность. Многомерная космическая реальность в романах Белого «Петербург» и «Крещенный китаец» (1921), в повести «Котик Летаев» (1918); в рассказах Хлебникова «Утёс из будущего» (1921--1922), «Перед войной» (1922), «Я умер и засмеялся» (1922), «Это был великий числяр» (1922) и других созвучна идеям Р. Штейнера.

7. Открытый В. Хлебниковым «звездный» язык соответствовал тому, что в оккультной астрологии существовало как всемирный язык эсперанто, и тому, что Р. Штейнер называл «пра-языком» и применял в своей эвритмии.

8. «Эвритмия» как новое качество прозы А. Белого и В. Хлебникова условно делится на два вида: «внешнюю» и «внутреннюю», имеющую три разновидности: светозвуковой символизм, орнаментальная проза и словотворчество.

Апробация диссертации. Материалы диссертационного исследования представлялись в форме докладов на следующих научных конференциях: Вторая международная научная конференция «Русская литература в меняющемся мире» (Ереван, октябрь 2006 года); Вторая международная научная конференция «Русская литература XX -- XXI веков: проблемы теории и методологии изучения» (Москва, ноябрь 2006 года); X международные хлебниковские чтения «Творчество Велимира Хлебникова и русская литература XX века: поэтика, текстология, традиции» (Астрахань, сентябрь

2008 года); XV международная лингвистическая конференция «Язык и мир» (Ялта, октябрь 2008 года); Третья международная научная конференция «Русская литература XX -- XXI веков: проблемы теории и методологии изучения» (Москва, декабрь 2008 года).

По теме диссертации опубликовано шесть работ общим объемом 2, 8 авторских листа.

Структура диссертации состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка, включающего 270 источников. Общий объем диссертации составляет 155 с.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** рассматриваются эстетические и литературные взгляды А. Белого и В. Хлебникова как представителей разных литературных течений -- символизма и футуризма.

Творчество А. Белого и В. Хлебникова представляет собой оригинальное явление космизма среди русских писателей начала XX века. Первый пережил увлечение философией «всеединства» Вл. Соловьева, второй -- «философией общего дела» Н. Федорова. В раннем творчестве А. Белого и В. Хлебникова эти космогонические идеи отразились в эстетике символизма и футуризма.

А. Белый был теоретиком религиозного символизма, В. Хлебников -- «будетлянского» футуризма. Об их непосредственной творческой взаимосвязи сохранилось мало сведений. Известно, что в мае 1912 года Хлебников, находясь в Херсоне, отправил Белому в Москву свою брошюру «Учитель и ученик», на обложке которой написал: «"Серебряный голубь" покоряет меня, и я посылаю Вам дар своей земли. Из стана осады в стан осаждаемых летают не только отравленные стрелы, но и вести дружбы и уважения. Хлебников»¹.

---

¹ Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. Р.В. Дуганова, сост., подгот. текста и примеч. Е.Р. Аризона и Р.В. Дуганова. Т. 6. Кн. 2. «Доски судьбы» (избранные страницы). Мысли и заметки. Письма и другие автобиографические материалы 1897-- 1922. М., 2006. С. 311.

Восхищение романом «Серебряный голубь» повлияло на прозу Хлебникова-импрессиониста, воспевавшего «звонкие поюны жизни».

В этой части диссертации большое место уделяется истории вопроса, касающегося сопоставительного анализа творчества А. Белого и В. Хлебникова, раскрытого во многих исследованиях и статьях: Вяч. Вс. Иванова «О воздействии “эстетического эксперимента” Андрея Белого» (1988), К.А. Кедрова «Поэтический космос» (1989), В. Лютого «Три лика свободы» (1991), В.А. Сарычева «Эстетика русского модернизма: проблема “жизнетворчества”» (1992), С.С. Хоружего «Поэтика Джойса: русские связи и соответствия» (1993), Н. Адаскиной «Символизм в творчестве авангардистов. О “символистском формализме”» (2001), В.П. Кузьменко «Синхронное открытие физической сущности мнимости Велимиром Хлебниковым, Андреем Белым и Павлом Флоренским» (2003). В отечественной науке антропософская тема долго находилась под негласным запретом, как и само имя Рудольфа Штейнера. С начала 1990-х годов в некоторых работах, посвященных А. Белому, начинает появляться тема «Белый и антропософия», но разрабатывается она с постоянной оглядкой на негласные табу прошлых десятилетий. Современные исследователи в основном продолжают игнорировать значение антропософии в творчестве писателя. Л.К. Долгополов в книге «Андрей Белый и его роман “Петербург”»², Н.К. Бонецкая в статье «Русская софиология и антропософия»³, З.О. Юрьева в книге «Творимый космос у Андрея Белого»⁴ подвергают сомнению «серьезность» связи Белого со Штейнером. Часть этого раздела диссертации посвящена полемике по этой проблеме.

Лишь в небольшом количестве литературоведческих работ исследуется антропософский аспект поэтики В. Хлебникова: например, в книгах К.А. Кедрова «Поэтический космос» (1989), «Метакод» (2005), статье «“Звездная азбука” Велимира Хлебникова. Литературоведческая гипотеза» (2005). В книге

---

² Долгополов Л.К. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С.213.

³ Бонецкая Н.К. Русская софиология и антропософия // Вопросы философии. М., 1995. № 7. С. 89.

⁴ Юрьева З.О. Творимый космос у Андрея Белого. СПб., 2003. С. 119.

Н.А. Богомолова «Русская литература начала XX века и оккультизм» (2000) говорится о влиянии на творчество В. Хлебникова историософии Е.П. Блаватской, а также концепций видного представителя оккультного мира Петербурга поэта Б.А. Лемана (Бориса Дикса)⁵.

В четырех разделах I главы «**Антропософия в контексте русской литературы начала XX века**» перечислены основные вехи биографии основателя антропософии Р. Штейнера, дан краткий экскурс в историю возникновения антропософского учения.

Распространение антропософского учения в России относилось к 1912--1913 годам. В это время в Гельсингфорсе Р. Штейнер читал курс лекций специально для русских антропософов. Антропософское общество в России объединило людей, тяготеющих к философии Вл. Соловьёва, и получило его имя. Сам философ определял свои воззрения как «свободную теософию». Р. Штейнер организовал издание книг Вл. Соловьёва на немецком языке, восхищаясь его «Чтениями о Богочеловечестве». Философия Вл. Соловьёва послужила основой для формирования у А. Белого антропософского мировоззрения; апокалипсические пророчества Соловьёва о Втором пришествии писатель связывал с личностью Штейнера. Многие русские софиологи -- ученики Вл. Соловьёва, группировавшиеся вокруг издательства «Мусагет», пережили сильное, но не продолжительное увлечение антропософией. Период времени с 1910 по 1913 год знаменует собой начало и конец штейнерианства в «Мусагете». В 1914 году «Мусагет» выпустил памфлет Эллиса «Vigilemus!» и книгу Э.К. Метнера «Размышление о Гете», направленные против учения и личности Р. Штейнера⁶.

Последовательными антропософами, учениками Рудольфа Штейнера до конца своих дней, были А.Р. Минцлова, А. Белый, сестры Ася и Наташа

---

⁵ Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000. С. 264--269.

⁶ В октябре 1913 года в Берлине произошел инцидент между Белым и издательством «Мусагет»: писатель потребовал приостановить печатание трактата Эллиса. Метнер расценил это требование как издевательство над редакцией. Белый поехал в Дегерлох и порвал отношения с Эллисом, а в ноябре 1913 года направил в «Мусагет» письмо, в котором заявил, что вышел из состава редакции издательства и состава сотрудников «Трудов и дней».

Тургеневы, А. Поццо, М. Сабашникова, М. Волошин, Е. Бальмонт, М. Чехов и другие.

Имя Велимира Хлебникова стоит особняком -- он не был вхож в официальные антропософские круги. Но благодаря связи с «Мусагетом» поэт, несомненно, знал о прочитанных в Европе докладах Штейнера от своих друзей -- представителей литературного бомонда (Бенедикта Лифшица, Вячеслава Иванова, Бориса Лемана и других). Интуитивное понимание антропософских идей отразилось в позднем творчестве поэта.

Раздел «Антропософия и русские софиологи П. Флоренский, С. Булгаков, Н. Бердяев» начинается дискуссией со статьей Н.К. Бонецкой «Русская софиология и антропософия»⁷. В аргументации полемики диссертант ссылается на работы других исследователей: С.С. Хоружего «Философский символизм П.А. Флоренского», Т. Гут «Павел Флоренский и Рудольф Штейнер (обнаружение ноумена в феноменах или идеи в действительности)»; использует труды самих философов: С. Булгакова «Святой Грааль», «Христианство и штейнерианство»; Н. Бердяева «Смысл творчества», «Смысл истории», «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы», «Самопознание»; переписку А. Белого и П. Флоренского (1904--1914 годы).

Во II главе «От идеи теургии до теософии и антропософии (сопоставительный анализ прозы А. Белого и В. Хлебникова)» рассматривается доантропософский, или теургический, период в творчестве А. Белого и В. Хлебникова.

В разделе «Идея теургии в русской философии и ее преломление в литературе (“жизнетворчество”»)» анализируется различное отношение к идее теургии религиозных философов: от неприятия С.Н. Булгакова до поклонения Вл. Соловьева и Н. Федорова. Вл. Соловьев призывал художников стать соработниками Бога в процессе преобразования мира. Идея теургии как

---

⁷ Бонецкая Н.К. Русская софиология и антропософия. С. 79--97.

сотворчества человека и Бога была центральной в «Философии общего дела» Н. Федорова, ее воплощение философ видел в воскрешении предков.

В раннем творчестве А. Белого и В. Хлебникова отразилась наивная вера в неограниченные возможности теургии; Белый перенял тягу к теургическому искусству от своего учителя Вл. Соловьева, Хлебников воспринял теургический импульс от Н. Федорова.

Прозаические произведения А. Белого, написанные до 1910 года, включая роман «Серебряный голубь», рассказы В. Хлебникова с 1906 по 1914 год диссертант обозначил как теургические. В четырех «симфониях» А. Белого (1901--1908), построенных в соответствии с канонами музыкального произведения, запечатлен теургический взгляд на мир, требующий новых синтетических форм. «Симфонии» повлияли на мироощущение начинающего литературный путь В. Хлебникова. Мощное воздействие «Второй, драматической симфонии» (1901) отразилось в рассказах Хлебникова «Юноша Я-Мир» (1906--1907), «Песнь Мирязя» (1907), «Искушение грешника» (1908), «Зверинец» (1909--1911). Третья «симфония» Белого «Возврат» (1902) свободой пространственно-временных рамок близка к повести Хлебникова «Ка» (1915).

Влияние романа А. Белого «Серебряный голубь» (1910) на творчество В. Хлебникова столь велико, что его можно разделить на два русла. Первое -- это усовершенствованная Белым традиция гоголевского сказа: рассказы Хлебникова «Смерть Паливоды» (1911), «Око» (1912), «Жители гор» (1913), «Закалённое сердце» (1913) написаны в «лубочной» манере «Серебряного голубя». Второе -- излюбленный Белым прием «скрытого автобиографизма», когда в сюжетной канве произведения закодирована судьба самого автора. Этот прием Хлебников использовал в рассказах «Охотник Уса-Гали» (1913), «Николай» (1913), «Есир» (1919).

Со временем А. Белый и В. Хлебников пережили разочарование в теургии как возможности «жизнетворчества» и обратили свои взоры к

теософии. У А. Белого в 1910 году на этот выбор повлияли не сложившиеся личные отношения с Л.Д. Блок, у В. Хлебникова в 1914 году -- неразделенная любовь к К.Л. Богуславской.

Встреча с Ксенией Богуславской, женой художника Ивана Пуни, стала поворотным моментом в судьбе Велимира Хлебникова. Бенедикт Лившиц описал Хлебникова зимой 1913--1914 годов, когда он был мучительно увлечен Ксаной Пуни⁸. В лирике Хлебникова с Ксенией были связаны мотивы «ворожеи», «польки», «солодки» и в особенности «мавы»; она рассказывала поэту легенды о горной Гуцулии, о мавках⁹. В это время в его стихах возник страшный образ Мавы -- злого духа славянской мифологии. Хлебников придумал собственную интерпретацию этого образа: «<...> спереди это прекрасная женщина или дева, лишённая одежд <ы>, сзади -- это собрание <витых> кишок»¹⁰. Окрашенный в жуткие тона портрет Мавы-обольстительницы повторялся во многих его произведениях: стихотворении «Гевки, гевки, ветра нету...» (1913), драматической сцене «Ночь в Галиции» (1914), стихотворении «Она удаля и лиха...» (1921), поэме «Вы, привыкшие видеть жизнь...» (1922). В «сверхповесть» «Дети Выдры» (1913) поэт вкрапил элементы личной драмы: Сын Выдры -- сам Хлебников, о котором говорилось как об «острове высокого звёздного духа»¹¹, изображена здесь и Дочь Выдры -- «вечно юная изменница»¹².

В автобиографической заметке 1914 года В. Хлебников, потерпевший крах теургического проекта «новой жизни», писал: «Вступил в брачные узы со Смертью и, таким образом, женат»¹³. Поэт начал увлекаться теософскими доктринами и числовой магией, рассматривая числа в сочетании с «судьбами народов, как зависимыми переменными чисел»¹⁴. Эти поиски периодов в

---

⁸ См.: Лившиц Б. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л., 1989. С. 525.

⁹ Там же. С. 699.

¹⁰ Хлебников В. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Литературная автобиография. Стихотворения 1904 --1916. С. 499.

¹¹ Хлебников В. Творения. С. 452.

¹² Там же. С. 448.

¹³ Там же. С. 641.

¹⁴ Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940. С. 360.

истории человечества были созвучны модным в то время трудам Е.П. Блаватской и Р. Штейнера. Распространённая во всей оккультной литературе тема цикличности исторического развития была центральной в «Тайной доктрине» Е.П. Блаватской¹⁵. В статье «Закон поколений» (сентябрь 1914 года) Хлебников с пиететом упоминает о Блаватской, которая верила «большему и в большее, чем средние люди»¹⁶.

Прослеживая версии о связи творчества В. Хлебникова с оккультными текстами, диссертант опирается на книгу Н.А. Богомолова «Русская литература начала XX века и оккультизм», где в качестве источника известного диалога Хлебникова «Учитель и ученик» предлагается древнеегипетская рукопись, напечатанная в эзотерическом журнале «Изида» (1911, № 9-10) с предисловием Б.А. Лемана¹⁷. Разделяя точку зрения Н.А. Богомолова, диссертант стремится обнаружить в творчестве В. Хлебникова прямые отсылки к статьям из других оккультных журналов. Автор предполагает, что поэт был знаком с антропософским журналом «Люцифер -- Гнозис», выходившим на русском языке в 1904--1908 годах, и журналом «Вестник теософии», где с 1908 года печатались переведенные на русский язык труды Штейнера. Числовые разработки Штейнера, публикуемые в этих журналах, Хлебников, вероятно, использовал в своих расчетах законов времени. Так, открытый Хлебниковым в 1914 году «закон поколений»¹⁸, был близок по смыслу к докладу Штейнера «Смысл пророчества» от 9 ноября 1911 года¹⁹. «Уравнения времени» для крупных исторических событий, составленные Хлебниковым в «Учителе и

---

¹⁵ См.: *Блаватская Е.П.* Тайная доктрина. Донецк, 1997. С. 460 -- 462.

¹⁶ *Хлебников В.* Творения. С. 649.

¹⁷ *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С.264 --269.

¹⁸ *Хлебников В.* Творения. С. 648.

¹⁹ *Штайнер Р.* Смысл пророчества / Пер. с нем. Т.Б. Деева, Д. Виноградова // Человек и звезды: Астрология в свете антропософии. Калуга, 1994. С. 39 -- 40.

ученике»²⁰, «Зангези»²¹, «Досках судьбы»²², совпадали с расчетами Штейнера «полного кругооборота человечества» в статье «Земля и ее будущее»²³.

Примеры пересечения числовых выкладок Блаватской, Штейнера и Хлебникова многочисленны, так же, как их соприкосновения в области языка. Язык, состоящий из одних только гласных, который использовали в своем творчестве и символисты, и футуристы, и даже акмеисты (например, Н. Гумилев), соответствовал тому, что описывала Е.П. Блаватская в «Тайной доктрине», а Р. Штейнер применял в своей эвритмии.

В III главе «Антропософские идеи и образы в поэтике символистов и футуристов (на примере романа А. Белого "Петербург" и повести В. Хлебникова "Ка")» исследуется влияние романа Белого «Петербург» (октябрь 1913 -- март 1914) на повесть Хлебникова «Ка» (1915)²⁴.

В начале систематизируются антропософские идеи и образы, «перекочевавшие» из романа «Петербург» в повесть «Ка»: идея «солнцепоклонничества», категория «астральности», антропософская модель сновидений, образ тени, «жизнетворческое» преображение реальности.

В разделе «Египетские мотивы в романе А. Белого "Петербург" и повести В. Хлебникова "Ка"» говорится об общей в «Петербурге» и «Ка» идеи «солнцепоклонничества». Известно, что «солнцепоклонником» объявлял себя Р. Штейнер (доклад от 5 мая 1921 года)²⁵. А. Белый причислял себя к «детям Солнца» -- избранникам Вечности. Этой теме посвящены цикл его стихотворений «Золото в лазури» (1903) и рассказ «Световая сказка» (1904). В статье «Круговое движение» (1912) Белый писал: «<...>мысль солнца теперь перекинула обыденное ваше чувство через голову мысли: чувство это --

---

²⁰ Хлебников В. Творения. С. 587 -- 589.

²¹ Там же. С. 476.

²² Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Кн. 2. С. 11.

²³ Штайнер Р. Из летописи мира / Пер. с нем. Калуга, 1992. С. 114.

²⁴ По инициативе Вяч. Иванова на его «башне» были устроены чтения Белым отрывков из романа, которые пользовались большим успехом и обостряли влияние на других авторов.

²⁵ Штайнер Р. Я и Солнце -- Человек среди звездных констелляций / Пер. с нем. Т.Б. Деева, Д. Виноградова. // Человек и звезды: Астрология в свете антропософии. С. 72 -- 73.

чувство пространства, ибо пространство -- мускулы солнечного создания»²⁶. Связанную с идеей «солнцепоклонничества» философскую смысловую структуру «Ка» Хлебников объяснял в брошюре «Время мера мира» (1916): «В 1378 году фараон Аменофис IV совершил переворот, заставив подданных вместо неясных божеств поклоняться великому Солнцу»²⁷.

А. Белый в письме к Р.В. Иванову-Разумнику (декабрь 1913 года) отмечал, что роман «Петербург» есть не что иное, как «мозговая игра»: «<...> подлинное место действия романа -- душа некоего не данного в романе лица, переутомленного мозговой работой»²⁸. События в повести «Ка» воспринимаются как результат мерцающего сознания героя, от лица которого ведется повествование. Однако «мозговые феномены» в этих двух произведениях не равнозначны. Если все происходящее в «Петербурге» являлось «одним раздражением мозговой оболочки, если только не было хроническим недомоганием ... может быть, мозжечка»²⁹, то в «Ка» «хроническому недомоганию» был положен конец. Искрящееся юмором, пронизанное светом смеховое пространство повести можно рассматривать как карнавальный ремикс «Петербурга» с его «мрачно-серыми, черноватыми, иль вовсе бесцветными линиями»³⁰.

В другом в письме к Иванову-Разумнику (20 ноября 1915 года) Белый сообщал, что в составе незаконченной трилогии о России, кроме «Серебряного голубя» и «Петербурга», он задумал третий роман «Моя жизнь» и в своем новом романе собирался коснуться «положительных устремлений душевной жизни»³¹. «В третьей части трилогии, -- планировал писатель, -- формула будет такова: сознание, органически соединившееся со стихиями и не утратившее в стихиях себя, есть *жизнь подлинная*»³². Из намечавшихся трех томов Белый

---

²⁶ Белый А. Круговое движение. (Сорок две арабески) // Труды и дни. М., 1912. № 4 --5. С. 59.

²⁷ Хлебников В. Творения. С. 700.

²⁸ Цит. по: Белый А. Петербург. Л., 1981. С. 516.

²⁹ Там же. С. 36.

³⁰ Там же. С. 684.

³¹ Там же. С. 520.

³² Там же. С. 516.

написал только две части первого тома «Детство, отрочество и юность» -- «Котик Летаев» (1918) и «Крещеный китаец» (1921). Хлебникову в повести «Ка» удалось воплотить не осуществленный полностью проект «*жизни подлинной*». Но уже не по Белому, не по Штейнеру, а по Хлебникову.

В разделе «Влияние книги Р. Штейнера “Из летописи мира” на повесть В. Хлебникова “Ка”» произведение писателя исследуется параллельно с самой мифологической книгой Штейнера «Из летописи мира» (1914). Диссертант приходит к выводу, что Хлебников не только был знаком с содержанием книги: некоторые рассуждения в «Ка» являлись тонкой пародией на популярные идеи Штейнера, изложенные в «Летописи».

Например, Штейнер описывал жизнь первочеловека согласно теософской «Хронике Акаши»³³. Сын орнитолога и убежденного дарвиниста³⁴, Хлебников с естественным недоверием относился к теософскому изложению древнейшей истории. В «Ка» проглядывали элементы ее иронического пересказа: «У меня нет ногочелюстей, головогруды, усиков. Мой рост: я больше муравья, меньше слона. У меня два глаза»³⁵. Напоминание героя о том, что у него «два глаза», -- не что иное, как перифраз откровений Штейнера: «Для неопределенного ощущения света и темноты в прежних состояниях у тела был особый глаз, которого теперь больше нет. (Сказание об одноглазых циклопах -- воспоминание об этих состояниях)»³⁶.

В повести «Ка» Хлебников шутивно изобразил начальный период в истории развития человечества, обозначенный в «Летописи» как «лемурийская эра». Путешествуя во времени, главный герой и его Ка оказались у истоков Голубого Нила и попали в общество цивилизованных обезьян -- это и есть «лемурийцы» в восприятии Хлебникова. Вождем «общества волосатых людей» была большая черная обезьяна Эхнатен, или Аменофис IV, который

---

³³ Штейнер Р. Из летописи мира. С. 71.

³⁴ Хотя в «Детях Выдры» есть иронический пассаж Хлебникова и в адрес Дарвина: «И вовсе был простаковат / Наш предок, шубою космат». См.: Хлебников В. Творения. С. 451.

³⁵ Хлебников В. Творения. С. 524.

³⁶ Штейнер Р. Из летописи мира. С. 152.

«до переселения душ был повелителем на Хапи мутном»³⁷, то есть фараоном Древнего Египта, -- под прицел насмешек Хлебникова попала и символика, почерпнутая из далекой истории.

В романе Белого «Петербург» антропософские идеи растворились в бытовом и историческом контексте; Хлебников в повести «Ка» поднялся выше расхожих антропософских архетипов и нашел для них иную космическую перспективу, свойственную уже не символизму, а футуризму.

Лейтмотив **IV главы «Метареальность в творчестве А. Белого и В. Хлебникова»** -- анализ связи учения Р. Штейнера и многомерной космической реальности в творчестве двух писателей.

Рамки символизма и футуризма стали уже тесны А. Белому и В. Хлебникову. Оба они увлекались новым космизмом на основе ошеломляющих научных открытий. Физики и космологи открывали многомерную реальность, недоступную обыденному восприятию. Антропософские поиски Р. Штейнера были близки к такому прорыву. А. Белый и В. Хлебников вместе со своими героями устремлялись к антропософской метареальности.

«"Метареальность" -- это реальность, открываемая за метафорой, на той почве, куда метафора переносит свой смысл, а не в той эмпирической плоскости, откуда она его выносит»³⁸, -- полагает один из современных исследователей С.Б. Джимбинов. Выход в метареальность как особый способ изображения действительности возник в позднем творчестве А. Белого под воздействием лекций Р. Штейнера. Этот метод использовал в своем творчестве и В. Хлебников.

В романе «Петербург» и повести «Котик Летаев» А. Белый вплотную подошел к восприятию пространства-времени, созвучному теории относительности и другим открытиям века. Это была попытка выхода в

---

³⁷ Хлебников В. Творения. С. 533

³⁸ Литературные манифесты: От символизма до наших дней / Сост. и предисл. С.Б. Джимбинова. М., 2000. С. 515.

метареальность. В романе «Крещенный китаец» писатель осуществил настоящий прорыв в метареальность.

«Крещенный китаец» Белого -- это развернутая метафора, выводящая человека во вселенную и впускающая в него все мироздание. Главный герой романа профессор Летаев -- демиург, имеющий власть над временем, -- он не умирает, а растворяется в бесконечности, пройдя цепь земных воплощений: «и ушел он себе: в световые свои космосферы!»³⁹. «Крещенный китаец» -- автобиографический роман, но биография не бытовая, а метареальная, растворенная в универсуме. Двойной путь самопознания по Штейнеру выражался так: «Я мыслю вовне, в мир -- и я нахожу себя; я погружаюсь в себя самого -- и я обретаю мир»⁴⁰. Это типичная схема метареальности, для которой характерна инверсия внутреннего и внешнего.

У Хлебникова метареальность зиждется на несколько других основаниях. Футуристы в отличие от символистов использовали прежде всего научные достижения начала века. Тут и знаменитые лекции Б. Тураева по египтологии, и открытия в математике, физике, космологии -- то, что Хлебников обозначил словами «Вера 4-х измерений»⁴¹, позаимствовав это название у одной из композиций художника Митурича. В творчестве Хлебникова выход в метареальность был связан с его увлечением числами. Точные законы времени у Хлебникова «раздевают человечество от лохмотьев государства и дают другую ткань -- звездное небо»⁴². Математическое понимание истории поэт соединял с «гаммой будетлян»: в ее особом звукоряде отражались «и великие колебания человечества, вызывающие войны, и удары отдельного человеческого сердца»⁴³. Метареальность в творчестве Хлебникова возникала как циклическая модель как бы повторяющихся в истории людей и событий. Идея реинкарнации была важной частью антропософского учения (доклад Р.

---

³⁹ *Белый А.* Серебряный голубь: Повести, роман / Автор вступ. статьи Н.П. Утехин. М., 1990. С. 489.

⁴⁰ Цит. по: *Линденберг К.* Рудольф Штейнер / Пер. с нем. А. Поликовского. М., 1995. С. 185.

⁴¹ *Хлебников В.* Творения. С. 574.

⁴² Там же. С. 631.

⁴³ Там же

Штейнера 1911 года «Смысл пророчества»⁴⁴. А. Белый говорил о реинкарнации как о философской характеристике времени (статья 1912 года «Нечто о мистике»⁴⁵; В. Хлебников писал в статье «Наша основа» (1919): «<...> мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, чтобы смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия»⁴⁶.

Хотя В. Хлебников и рассматривал творчество как «наибольшее отклонение струны мысли от жизненной оси творящего и бегство от себя»⁴⁷, выход в метареальность в его произведениях в то же время автобиографичен, -- проще говоря, связан с его судьбой. Как и А. Белый, поэт стремился управлять мировыми событиями с помощью своих откровений, которые он понимал как «отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным "Я" на разумное небо»⁴⁸. В рассказах Хлебникова «Две троицы. Разин напротив» (1921--1922), «Утёс из будущего» (1921--1922), «Перед войной» (1922), «Это был великий числяр» (1922), «Я умер и засмеялся» (1922) выход в метареальность происходил под влиянием некоторых антропософских концепций из работ Штейнера, опубликованных на русском языке в журналах «Люцифер-Гнозис» и «Вестник теософии».

В разделе «Метареальность и новая литература» рассматривается влияние творчества А. Белого и В. Хлебникова на современный литературный процесс. В поэзии начала 1980-х годов появилось новое течение -- группа «метаметафористов» и родился термин -- «метаметафора». Автор этого термина К.А. Кедров в книге «Поэтический космос» поясняет: «Метаметафора -- это не только новое зрение, но и новое понимание поэтического слова. В человеке вся вселенная, а человек во вселенной»⁴⁹. К первым

---

⁴⁴ Штайнер Р. Человек и звезды: Астрология в свете антропософии. С.38.

⁴⁵ Белый А. Нечто о мистике // Труды и дни. М., 1912. № 2. С. 49--50.

⁴⁶ Хлебников В. Творения. С. 631.

⁴⁷ Там же. С. 634.

⁴⁸ Там же. С. 37.

⁴⁹ Кедров К. Поэтический космос / Предисл. Вл. Гусева; полемич. заметки Г. Куницина. М., 1989. С.236.

метаметафористам, увидевшим человека «полновластным обитателем и вместителем всего макро - и микрокосмоса», К.А. Кедров причисляет Белого, «обнимающего себя Зодиаком, как мякоть персика объемлет косточку», и Хлебникова, «отслаивающего Большую Медведицу от подошв сапог»⁵⁰. Представители метаметафоризма в современной поэзии: К. Кедров, А. Еременко, И. Жданов, А. Парщиков, Е. Кацюба, В. Мельников, И. Кутик, В. Аристов, О. Адрова и другие, -- развивают идеи и образную систему А. Белого и В. Хлебникова.

В V главе «Эвритмическое новаторство прозы А. Белого и В. Хлебникова» повествуется об «эвритмии» и ее видах как особенности творчества А. Белого и В. Хлебникова.

В первом разделе -- «Музыка и живопись в творчестве А. Белого и В. Хлебникова» -- раскрывается взаимовлияние этих писателей, наследовавших также идеи многих художников и композиторов своего времени; от П. Пикассо, К. Малевича, П. Филонова, В. Кандинского, А. Скрябина, И. Стравинского А. Белый и В. Хлебников творчески восприняли умение передавать свет и звук космического пространства, его движение и музыку. Это обогатило прозу писателей, способствовало развитию ее нового качества -- «эвритмии».

Эвритмия Р. Штейнера -- это видимая речь, дифференцированный способ человеческого движения, имитирующий азбуку мироздания. Штейнер до конца жизни придумывал хореографические формы для своей эвритмии. А. Белый расширил значение слова «эвритмия», связав его с экспериментами в области языка. В «Глоссолалии. Поэме о звуке»(1917) Белый писал: «Звук мы можем записывать в линиях, можем его танцевать, можем строить в нем образы»⁵¹. «Эвритмия» Белого -- это использование техники музыкально-ритмических движений для создания в художественном тексте видимого словесно -

---

⁵⁰ Там же. С. 157.

⁵¹ *Белый А.* Глоссолалия. Поэма о звуке. М., 2002. С. 13.

звукового ряда: «Эвритмия нас учит ходить -- просто, ямбом, хореем, анапестом, дактилем; учит походкою выщербить лики и ритмы провозглашаемых текстов»⁵². «Эвритмия», обретя многозначные смыслы, стала атрибутом писательского мастерства. В книге «Мастерство Гоголя» (1934) Белый сравнивал писательское вдохновение с танцем: «Речь идет <...> о контроле слухом -- рук, ног, выполняющих, кующих: в ритме напева»⁵³.

Термин «эвритмия» диссертант ввел в обиход своих литературоведческих исследований. «Эвритмия» в творчестве А. Белого и В. Хлебникова, проявляемая в многообразных формах, была условно разделена на два вида -- «внешнюю» и «внутреннюю». «Внешняя эвритмия» -- поэтическое описание-характеристика каждого отдельного звука. «Внутренняя эвритмия» -- способ изображения действительности с помощью светозвуковых и пластических средств. «Внутренняя эвритмия» имела три разновидности: светозвуковой символизм, орнаментальная проза и словотворчество.

«Внешняя эвритмия» в творчестве А. Белого и В. Хлебникова -- это литературная обработка эвритмии Р. Штейнера, рожденной из традиций древних мистерий. Одну из своих лекций «Характер отдельных звуков» Штейнер посвятил изображению букв в первоначальных древних начертаниях⁵⁴. А. Белый в «Глоссолалии» запечатлел «эвритмическую» фонетику божественного творения мира -- «модели для выражения нами утраченной мимики звуков»⁵⁵. В. Хлебников в статье «Художники мира» (1919) раскрыл восприятие «эвритмии» как «видов на общечеловеческую азбуку»⁵⁶.

«Внутренняя эвритмия» в произведениях А. Белого и В. Хлебникова связана со светозвуковой теорией происхождения мира. Светозвуковой символизм -- разновидность «внутренней эвритмии». В работе «О смысле познания» (1916) Белый писал: «Световая природа -- природа природы нам

---

⁵² Там же. С. 116.

⁵³ *Белый А.* Мастерство Гоголя: Исследование. М.; Л., 1934. С. 27.

⁵⁴ *Steiner Rudolf.* Eurytmie als sichtbare Sprache // Rudolf Steiner Verlag Dornach. Schweiz, 1990. С. 31.

⁵⁵ *Белый А.* Глоссолалия. Поэма о звуке. С.3.

⁵⁶ *Хлебников В.* Творения. С. 621.

данной; и ее природа есть с в е т о -- м ы с л и е»⁵⁷. В статье «Наша основа» Хлебников говорил о том же: «Мудростью языка давно уже вскрыта световая природа мира»⁵⁸. Поэт внес вклад в учение о «молнийно-световой природе человека»⁵⁹, на которое опиралась почти вся футуристическая эстетика.

К. Бальмонт в книге «Светозвук в природе и световая симфония Скрябина» (1917) утверждал, что в будущем человеческая впечатлительность «сумеет создать нерукотворный храм Светозвука»⁶⁰; А. Белый в статье «Священные цвета» (1911) разработал философскую концепцию светозвуковых соответствий⁶¹, а в «Глоссолалии» описал цвета близких ему звуков⁶². Мысль о соответствии между звуком и цветом В. Хлебников высказал много раньше, в 1908--1909 годах: «Слова как токи от ассоциативных со звуками цветов»⁶³. Поэт сделал цветовую расшифровку хрестоматийного стихотворения «Бобэоби»: «Б, или ярко красный, а потому губы бобэоби, взэоми -- синий, и потому глаза синие, пиизэ -- черное»⁶⁴.

Орнаментальность -- другая разновидность «внутренней эвритмии» в прозе А. Белого и В. Хлебникова. Орнаментальная метризованная проза -- гибридная форма художественной речи, совмещающая в себе черты прозы и стиха, -- появилась еще в XVIII веке и была широко распространена в XIX столетии. Андрей Белый сыграл особую роль в развитии стихопрозы XX века.

Диссертант придерживается понятия «орнаментальная, или ритмизованная проза», о котором писали В.Б. Шкловский⁶⁵, Л.А. Новиков⁶⁶ и другие. Ю.Б. Орлицкий в книге «Динамика стиха и прозы в русской словесности» называет прозу А. Белого «стихоподобной»⁶⁷ и указывает на

---

⁵⁷ Белый А. О смысле познания. СПб., 1922. С. 68.

⁵⁸ Хлебников В. Творения. С.625.

⁵⁹ Там же. С. 626.

⁶⁰ Бальмонт К. Светозвук в природе и световая симфония Скрябина. М., 1917. С. 20.

⁶¹ Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М., 1994. С. 209.

⁶² Белый А. Глоссолалия. Поэма о звуке. С. 95 -- 105.

⁶³ См.: Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911 -- 1998). М., 2000.С. 368.

⁶⁴ Там же. С.349.

⁶⁵ См.: Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1983; Гамбургский счет. М., 1990.

⁶⁶ См.: Новиков Л.А. Стилистика орнаментальной прозы Белого. М., 1990.

⁶⁷ Орлицкий Ю.Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. М., 2008. С. 304.

пять основных направлений перестройки прозы, которые писатель осуществил в своем творчестве: метризация, паронимизация, «строфизация», визуализация и миниатюризация прозаической структуры⁶⁸. В числе последователей А. Белого, активно внедряющих стиховое начало в прозу, Ю.Б. Орлицкий называет В. Хлебникова, использующего своеобразную «протозаумность» цитатного материала⁶⁹.

Метафоричность языка, переходящая в словотворчество, -- еще одна разновидность «внутренней эвритмии» в произведениях А. Белого и В. Хлебникова. Н.А. Кожевникова в книге «Язык Андрея Белого» пишет: «Словотворчество для Белого -- <...> это мифотворчество»⁷⁰. Ю.М. Лотман в статье «Поэтическое косноязычие Андрея Белого» отмечает, что, писатель ищет другой язык -- «язык пророческого косноязычия», соединяя в тексте «невнятицы» и «дарвалдаи», «вяки» и «чушь»⁷¹.

В. Хлебников в статье «Наша основа» утверждал: «Словотворчество есть взрыв языкового молчания, глухонемых пластов языка»⁷². Поэт создавал искусственные старославянские слова, продолжая традиции архаистов XIX века, а позже предпринял грандиозную попытку создания мирового «звёздного» языка. «Звездный язык» был распространен в оккультной астрологии. Об интересе оккультистов к проблемам всемирного языка, черты которого отразились в «звездном» языке Хлебникова, пишет Н.А. Богомолов в книге «Русская литература начала XX века и оккультизм»⁷³. О таком языке упоминал Р. Штейнер в цикле лекций «Эвритмия как видимая речь», обозначив его термином «пра-язык»: «<...> если бы люди правильно прочувствовали звуки, то говорили бы совершенно одинаково <...> это нечто такое, что лежит

---

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Кожевникова Н.А. Язык Андрея Белого. М., 1994. С. 166.

⁷¹ См.: Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 438.

⁷² Хлебников В. Творения. С. 624.

⁷³ Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 267.

в основе всех языков, это -- пра-язык, построенный указанным способом»⁷⁴. В. Хлебников стал изобретателем всеобщего «звездного» «пра-языка», который назывался «заумным». Лучшим образцом «заумного» языка поэт считал слова умирающего Аменофиса в повести «Ка»: «Мэу! Манч! Манч! Манч!»⁷⁵.

В Заключение сделаны основные выводы в ракурсе сопоставительного анализа прозы А. Белого и В. Хлебникова.

Для символистов младшего поколения и футуристов, откровенно стремившихся к жизнетворчеству, учение Р. Штейнера открывало значительные возможности. А. Белый, испытав разочарование в «теургических зорях» Вл. Соловьева, в антропософский период глубоко верил в то, что «нужно творить жизнь, творчество прежде познания»⁷⁶. В. Хлебников, пережив увлечение «Философией общего дела» Н. Федорова, через интерес к числовой магии и изучение теософии Е.П. Блаватской приблизился к антропософии. Поэт использовал математические формулы, ориентированные на историософию Е.П. Блаватской и Р. Штейнера, вычисляя циклы крупных исторических событий во многих своих произведениях: «Спор о первенстве», «Закон поколений», «Учитель и ученик», «Наша основа», «Зангези», «Доски судьбы» и другие.

«В антропософии скрещиваются русла культур»⁷⁷, -- писал Андрей Белый в статье «Антропософия и Россия» (1922). Отказавшись от абстрактных теургических схем, А. Белый и В. Хлебников пришли к антропософии разными путями: один осознанно, другой -- иррационально. Белый, посещая за границей закрытые лекции Штейнера, вступил в члены Антропософского общества. Хлебников постиг антропософские истины интуитивно. Но со временем «глоссолалии» Андрея Белого стали очень похожи на «звездную азбуку» Велимира Хлебникова.

---

⁷⁴ Steiner Rudolf. Eurytmie als sichtbare Sprache. P. 24.

⁷⁵ Хлебников В. Творения. С. 534.

⁷⁶ Труды и дни. М., 1912. № 6. С. 16.

⁷⁷ Белый А. Антропософия и Россия // Новое литературное обозрение. М., 1999. № 9. С. 168--169.

В творчестве А. Белого и В. Хлебникова под влиянием новейших научных достижений с одной стороны, с другой -- статей и докладов Р. Штейнера утвердилось новое метареальное мышление. Метареальность в произведениях Белого и Хлебникова возникла как образ вечности -- Универсум. Выход в метареальность происходил под воздействием антропософских идей и был связан с усилением автобиографической тенденции в творчестве писателей. В учении Штейнера это объяснялось связью микро- и макрокосма, «отдельной человеческой жизни и жизни целого народа с тем, что разыгрывается в большом мире, в мировом пространстве»⁷⁸.

Художественной модификацией эвритмии Штейнера, основанной на практике совершенствования человеческого организма и теории самопреображения, стала эвритмия как новое качество прозы А. Белого и В. Хлебникова. Диссертант условно разделил ее на «внешнюю эвритмию» -- это образная характеристика каждого звука, и «внутреннюю эвритмию», состоящую из светозвукового символизма, орнаментальной прозы и словотворчества.

Творческие открытия и идеи Андрея Белого и Велимира Хлебникова еще далеко не полностью осознаны и исследованы. Диссертант наметил четыре направления, по которым в дальнейшем должен глубоко изучаться антропософский космизм этих писателей: теургическое -- в контексте идей Блаватской и Штейнера, собственно антропософское -- с особым акцентом на творчество Хлебникова, метареальное как новый способ отображения действительности, «эвритмическое» -- в ракурсе как лингвистического, так и литературоведческого анализа художественных текстов.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ

---

⁷⁸ Штайнер Р. Человек и звезды: Астрология в свете антропософии. С. 32 -- 33.

1. Антропософский дискурс в поэтике символистов и футуристов (роман А. Белого «Петербург» и повесть В. Хлебникова «Ка») // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 4. М., 2010. С. 134 --138.

2. Функционирование светозвуковой концептосферы в текстах (на материале произведений Андрея Белого и Велимира Хлебникова) // Культура народов Причерноморья: научный журнал: Материалы XV международной лингвистической конференции «Язык и мир» 6--10 октября 2008. Симферополь: Информ.- издат. отдел КРИППО, 2008. № 142. Т. 1. С. 334--336.

3. Антропософия -- тип нового религиозного сознания в русской культуре XX века // «Вестник РАУ⁷⁹(гуманитарные и общественные науки)». N 3. Ереван: Изд-во Российско-Армянского (Славянского) гос. ун-та, 2006. С. 132 --134.

4. Антропософия и русская литература начала XX века // Русская литература XX --XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Второй международной научной конференции 16--17 ноября 2006 г. / Ред.- сост. С.И. Кормилов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. С. 99--101.

5. Творчество Андрея Белого и Велимира Хлебникова в контексте антропософских идей // Творчество Велимира Хлебникова и русская литература XX века: поэтика, текстология, традиции: Материалы X международных хлебниковских чтений 3--6 сентября 2008 г. / Под ред. проф. Г.Г. Глинина; сост.: Г.Г. Глинин, М.Ю. Звягина, Н.В. Максимова, А.А. Боровская. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. С. 151--154.

6. Эвритмическое новаторство прозы Андрея Белого и Велимира Хлебникова // Русская литература XX -- XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: Материалы Третьей международной научной конференции: Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 4--5 декабря 2008 г. / Ред.-сост. С.И. Кормилов. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 313--316.

---

⁷⁹ Российско-Армянского (Славянского) государственного университета.

